Народная библіотека Кормчаго

Севастопольскіе герои.

Книжка 45-я.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, соб. д.

Народная библіотека „КОРМЧАГО“. Безплатное приложеніе къ журналу „КОРМЧІЙ“.
Книжка 45-я.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЕ ГЕРОИ.

Смерть героя Корнилова.

(Разсказъ).

Печально и однообразно шла жизнь въ осажденномъ Севастополѣ. Днемъ были бомбардировки, ночью тоже бомбардировки, и вѣчная работа по исправленію, поврежденныхъ непріятелемъ, укрѣпленій. Работали старики, женщины, дѣти, даже арестанты. Работа кипѣла бойко и энергично. Всякій дѣлалъ, что могъ.

Надъ осажденнымъ городомъ, надъ этой бойкой работой, летали безпрестанно тысячи снарядовъ. Въ ночномъ мракѣ, они свѣтились, какъ яркія звѣздочки. Тяжела, непоправимо тяжела была для осажденнаго Севастополя потеря Корнилова. Онъ былъ душой всей этой энергичной работы, онъ ободрялъ, поддерживалъ. Скрѣпя сердце, Корниловъ разъѣзжалъ по укрѣпленіямъ, лазилъ на бастіоны, и старался казаться веселымъ.

Его звонкій голосъ, смѣлая рѣчь, бодрый видъ ободряли и утѣшали солдатъ и матросовъ. И вотъ онъ умеръ, пораженный непріятельской пулей... Сколько горя нанесла его смерть простому рус-

скому сердцу, искренно привязанному къ своему начальнику и герою!

То былъ печальный день. Солнце садилось. Туманныя облачка печально бродили по небу. Въ Михайловскомъ соборѣ отпѣвали Корнилова. Выстрѣлы неумолкаемо гремѣли надъ городомъ.

Но не до нихъ было всѣмъ. Всякій, отъ стараго до малаго, шелъ въ соборъ отдать послѣдній долгъ умершему герою. Искреннія рыданія слышались въ церкви. Сурово глядѣли солдаты и матросы.

Нахимовъ, стоявшій въ соборѣ, тихо плакалъ. А тотъ, кого такъ искренно оплакивали, лежалъ въ гробу, въ полной, адмиральской формѣ, спокойный и тихій. Выраженіе тихаго страданія было разлито по его лицу, но губы улыбались.

— „Какъ хорошо умирать съ чистой совѣстью!“— были послѣднія слова Севастопольскаго героя. И смерть его была поистинѣ геройская, какъ и вся его жизнь.

Стемнѣло. Тронулось изъ собора печальное шествіе. Всѣ добивались чести нести гробъ Корнилова. Факелы освѣщали путь. На корабляхъ скрестили реи, спустили флаги и вымпела. Непріятельская кононада на нѣсколько минутъ усилилась, потомъ вдругъ прекратилась, точно и тамъ сознали всю торжественность печальной минуты, и не хотѣли мѣшать ей.

Гробъ опустили въ склепъ. Не слышно было громкихъ рѣчей. Вмѣсто нихъ раздавались рыданія офицеровъ, солдатъ и матросовъ. Нахимовъ постоянно утиралъ глаза.

— „Истинное для насъ несчастье! Да—съ! Такой человѣкъ, какъ Корниловъ, и вдругъ... умеръ! Луч-

ше бы ужъ я, или кто другой, а то“... заговорилъ вдругъ Нахимовъ, обращаясь къ стоящему съ нимъ рядомъ молодому офицеру, но слезы помѣшали ему докончить.

Глядя на него, заплакалъ и офицеръ.

— „Мнѣ не стыдно моихъ слезъ, нѣтъ — съ, не стыдно!“ — бормоталъ Нахимовъ, сердито отирая струившіяся по щекамъ слезы.

Корниловъ былъ истинный герой!

Когда прощались съ умершимъ, плакали всѣ: и друзья Корнилова, и враги, бранившіе его. Всѣ были поражены и убиты мыслью, что глава всей обороны, душа и опора всей этой долгой работы осажденныхъ, навсегда потерянъ для нихъ, и спокойный, холодный будетъ лежать въ склепѣ осаждаемаго города.

— „Прощай, батюшка нашъ Владиміръ Алексѣевичъ!“—говорили солдаты, прощаясь съ Корниловымъ и тихо вытирая слезы.

Мало по малу начали расходиться. Тихо побрели къ своимъ обязанностямъ и генералы, и офицеры, и солдаты. У всѣхъ было тяжело на сердцѣ. Всѣмъ казалось, что они потеряли что-то дорогое, что безъ Корнилова Севастополь не устоитъ.

Похоронили одного героя. Смерть витала и надъ другимъ. Павелъ Степановичъ Нахимовъ пользовался неменьшей любовью солдатъ и матросовъ, и на него возлагались послѣднія надежды.

Но смерть была недалеко и отъ него. Когда всѣ разошлись, около могилы Корнилова остались нѣсколько солдатъ и матросовъ. Одинъ молоденькій матросикъ горько плакалъ и всхлипывалъ, какъ ребенокъ.

Рядомъ съ нимъ стоялъ старый матросъ и тяжело вздыхалъ. По его грубому, загорѣлому лицу, градомъ катились крупныя слезы.

— „Да, братцы, заговорилъ онъ, доѣхалъ это нашъ батюшка, Владиміръ Алексѣевичъ, до Малахова кургана, упокой Господи его душу, тамъ просто баня была. Непріятель, значитъ, безъ устатку палилъ."

„Онъ всюду самъ, все хотѣлъ осмотрѣть и видѣть. Какъ его ни уговаривали, онъ ни за что не соглашался уѣхать домой."

— „Что скажутъ мои матросы и солдаты, если я теперь буду сидѣть дома?"—Такъ онъ, голубчикъ, всѣмъ отвѣчалъ, и хотѣлъ было поѣхать на Ушакову балку. Не успѣлъ онъ дойти нѣсколько шаговъ до своей лошади... и упалъ. Пуля ему, должно, въ животъ попала."

„Я тамъ стоялъ, видѣлъ, какъ онъ упалъ. Подбѣжали къ адмиралу и офицеры, и солдаты, и я."

„Поблѣднѣлъ весь нашъ Владиміръ Алексѣевичъ, а не крикнулъ ни разу. Все хотѣлъ улыбнуться, да что-то сказать. Унесли мы его на перевязку, потомъ въ гошпиталь. Плохо дѣло, видимъ, а онъ все насъ утѣшаетъ, ободряетъ. Самому, должно, не втерпежъ было. Все питья просилъ. Жжетъ, говоритъ, внутри все жжетъ."

„Я, по правдѣ сказать, сбѣгалъ къ себѣ, на бастіонъ, да опять къ нему, голубчику, вернулся. Отойти не могу, сердце вотъ словно на куски рвется."

„И все время былъ въ памяти нашъ Владиміръ Алексѣевичъ, все спрашивалъ, отбили-ли мы непріятеля. Слава Богу! Успѣли мы тогда сбить Ан-

гличанъ. Сказали ему, онъ такъ весь и обрадовался."

„Хотѣлъ было крикнуть „ура", и умеръ. Эхъ-ма!"
Матросъ остановился и заплакалъ. Солдаты стояли печально, понуривъ головы. Молоденькій матросикъ лежалъ на землѣ и всхлипывалъ.

— „Горькій нашъ Владиміръ Алексѣевичъ!" продолжалъ старый морякъ. „Утопли наши корабли, сгинули, родные, въ безднѣ водяной..."

„Недолго прожилъ безъ нихъ и нашъ Владиміръ Алексѣевичъ. Словно самихъ себя мы хоронили, когда наши корабли топили. Тяжело и ему было, сердешному! Морякъ-то какой былъ! Человѣкъ-то какой! Золото! Много ли вамъ, солдатамъ, знать-то его пришлось? А нашъ братъ съ нимъ на кораблѣ жилъ, душой къ нему привязанъ, горе и радость съ нимъ дѣлилъ. Не зналъ онъ этой гордости, прямъ и простъ былъ съ нами. Сердце у него было золотое;—ума—палата! Все зналъ, обо всемъ понятіе имѣлъ? А какъ онъ у насъ этихъ самыхъ ребятъ нашихъ, юнговъ, ласкалъ! Новичковъ какъ жалѣлъ! Вотъ спросите его!" При этомъ указалъ старый морякъ на молодого матросика. Тотъ, въ отвѣтъ, еще сильнѣе зарыдалъ.

И было о чемъ плакать молодому матросу! Русское сердце умѣетъ быть благодарнымъ и глубоко цѣнить ласку и вниманіе. Поступилъ молодой матросъ на корабль Корнилова, долго привыкнуть не могъ, все робѣлъ, да терялся. Тоска его разбирала по родной деревнѣ, по своимъ роднымъ. Загрустилъ бѣдняга, захворалъ—было отъ тоски, не пилъ, не ѣлъ. Взглянулъ какъ-то Корниловъ на его блѣдное, худое лицо и подошелъ къ нему.

— „Что съ тобой, спрашиваетъ, ты боленъ что ли?"

Перепугался-было матросикъ, но Корниловъ сейчасъ-же успокоилъ его.

— „Не бойся, говоритъ, скажи прямо. Не хорошо что-ли тебѣ здѣсь? Обижаютъ?"

Не стерпѣлъ парень, какъ ребенокъ заплакалъ передъ начальникомъ. Корниловъ не разсердился, не осмѣялъ эти слезы. Онъ понялъ ихъ. Кое-какъ смогъ только разсказать ему матросикъ, что тоскуетъ по своимъ, что не можетъ привыкнуть къ кораблю. Корниловъ плохо слушалъ его. Онъ сердцемъ понялъ, что молодому матросу кажется тоскливо, послѣ родной семьи, между чужими, суровыми людьми, что болитъ его сердце по ласкѣ старухи—матери, по добромъ и привѣтномъ словѣ.

Понялъ добрый начальникъ душу молодого парня. Ласково и пристально поглядѣлъ онъ на молодое, грустное лицо, положилъ руку на плечо матросика, и ласково и равнодушно сказалъ:

— „Полно, братецъ, не будь ребенкомъ. Я понимаю тебя. Послушай моего совѣта. Брось думы свои, побольше работай, относись строже къ своимъ обязанностямъ,—и тебѣ легче будетъ. Богъ приведетъ, увидишь своихъ родныхъ! У меня, повѣрь, то же есть семья, которую я очень люблю, а видишь, я не плачу и не тужу!"

Съ того дня Корниловъ пріобрѣлъ себѣ въ матросѣ вѣрнаго и преданнаго раба и слугу. Матросикъ словно ожилъ подъ его ласковой рѣчью. Онъ помнилъ каждое его слово, ловилъ его взглядъ, старался работать такъ усердно, какъ только могъ. Онъ готовъ былъ молиться на начальника, за одно

его ласковое слово готовъ былъ броситься за него въ огонь и въ воду.

Смерть Корнилова совершенно убила матроса. Онъ какъ то потерялся, ничего не понималъ, и только плакалъ.

Бѣдному парню казалось, что у него отняли все, что онъ остался одинъ—одинешенекъ на бѣломъ свѣтѣ.

И горькими слезами обливался бѣднякъ, прощаясь съ Корниловымъ.

Наступила ночь. Изрѣдка раздавались непріятельскіе выстрѣлы. Въ городѣ было тихо. Всѣ были на своихъ мѣстахъ. На потемнѣвшемъ небѣ ярко свѣтили звѣзды. Около склепа, гдѣ былъ похороненъ Корниловъ, въ темнотѣ ночи, долго раздавались чьи-то неумолкаемыя горькія рыданія.

То плакалъ молодой матросикъ, оплакивая смерть своего незабвеннаго начальника и героя.

Не лучшій-ли это вѣнокъ на гробѣ умершаго героя?!

В. П.

Подвигъ священника Пятибокова.

(Историческій разсказъ).

Въ 1854 году, когда была объявлена война Турціи, и наши войска двинулись къ Дунаю, то по приказанію императора Николая Павловича, отъ каждаго гвардейскаго полка были посланы въ дѣйствую-

щую армію по два офицера. Въ числѣ прочихъ, жребій палъ и на меня. Я явился въ армію 10-го марта 1854 года, испытавъ на пути массу всякихъ затрудненій... Наши войска готовились переходить Дунай одновременно въ трехъ пунктахъ: въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаиловѣ, но день переправы не былъ назначенъ потому, что все время стояла крайне бурная погода, и войскамъ надо было отдохнуть послѣ неоднократныхъ перемѣщеній изъ Галаца въ Браиловъ и обратно—по топи, безъ дорогъ —усиленными переходами.

Я былъ назначенъ въ отрядъ генералъ-лейтенанта Ушакова, расположенный въ Измаилѣ, куда и явился, не зная, гдѣ приклонить голову и къ тому пристроиться. Штабъ отряда, къ которому меня причислили, занималъ въ городѣ отдѣльный большой домъ. Со мною были вѣжливы, но меня чуждались. Какое кому было до меня дѣло? Я былъ гвардеецъ, невѣдомо зачѣмъ пріѣхавшій, всѣмъ чужой.

Человѣкъ мой, Ѳедоръ, нашелъ гдѣ-то по близости уголокъ и то, благодаря добродушію старика-священника Могилевскаго полка отца Василія Пятибокова,—иначе не знаю, гдѣ бы пріютился.

— Что ты все снуешь взадъ да впередъ, молодецъ!—обратился къ Ѳедору отецъ Василій, сидѣвшій у воротъ, на улицѣ.—Али потерялъ что?

— Не потерялъ, батюшка, а вотъ не знаю, какъ барина устроить!—отвѣчалъ Ѳедоръ, подходя подъ благословеніе.—Только вчера прибыли сюда и чего только не перенесли по пути... страсть одна! А вотъ тутъ оказывается, что и голову негдѣ приклонить.

— Да кто твой баринъ?- спросилъ священникъ.

Θедоръ назвалъ меня.

— Такъ и чудесно!—вали ко мнѣ,—потѣснимся, устроимся какъ-нибудь. Подавай багажъ, а я прикажу причетнику самоваръ ставить!—говорилъ священникъ.

Θедоръ стремглавъ бросился меня отыскивать и едва розыскалъ гдѣ-то на скамеечкѣ подъ навѣсомъ, озябшаго и измученнаго.

Это было вечеромъ 10 марта. Вѣтеръ завывалъ и изрѣдка шла изморозь. Дунай былъ хорошо виденъ—черный, мутный, сердитый. Часть берега находилась подъ водою. Съ мѣстностью я уже успѣлъ немного ознакомиться. Для переправы отряда отъ Измаила избрано было мѣсто въ полутораверстахъ выше мыса Чатата, гдѣ Дунай съуживается до 120 саженей и лѣвый нашъ берегъ покрытъ густо разросшимся камышемъ, способнымъ укрыть войска отъ выстрѣловъ непріятеля; правый же берегъ, турецкій, былъ совершенно открытъ, и Тульча, расположенная на горѣ, была отчетливо видна.

Узнавъ отъ Θедора, что, наконецъ, удалось найти хоть какой-нибудь пріютъ, я поспѣшилъ, по его указаніямъ, къ помѣщенію отца Василія.

— Не знаю, какъ васъ благодарить! — говорилъ я, завидя священника, вышедшаго ко мнѣ навстрѣчу на улицу.—Безъ васъ пропадать приходилось.

— Ничего, ничего, помилуйте! Авось Богъ сохранитъ. Имѣю честь рекомендоваться: священникъ могилевскаго полка Василій Пятибоковъ,—отвѣчалъ священникъ, благословляя меня и кланяясь.

Я также себя назвалъ, но когда прибавилъ, что прикомандированъ къ штабу генерала Ушакова безъ

указанія, что дѣлать и гдѣ находиться, то отецъ Василій только развелъ руками.

— Вотъ видите!—да и то вѣдь, куда имъ теперь! Небось, головы-то у всѣхъ не на мѣстѣ, и не до васъ имъ, конечно; но никто, какъ Богъ. Милости прошу! У меня и чай готовъ.

Мы напились чаю; а между тѣмъ Ѳедоръ успѣлъ меня устроить въ уголкѣ, въ той же комнаткѣ, гдѣ помѣщался и отецъ Василій. Въ свою очередь, я угостилъ отца Василія всѣмъ, что у меня имѣлось; а у меня имѣлось не мало кое чего, и Ѳедоръ былъ мастеръ своего дѣла. Мы изрядно поужинали и улеглись въ ожиданіи грядущихъ событій.

Часовъ въ 5 утра, 11 марта, насъ разбудилъ грохотъ нашихъ орудій и мы начали готовиться. Вскорѣ священника позвали къ командиру могилевскаго полка. Уходя, онъ просилъ понаблюсти за его причетникомъ, человѣкомъ недостаточно благонадежнымъ. Затѣмъ и я одѣлся и ушелъ, приказавъ Ѳедору оставаться на мѣстѣ, покуда я его не вызову.

Было уже совершенно свѣтло, и я пошелъ прямо на огонь нашихъ батарей, расположенныхъ на Чатальскомъ мысу, саженяхъ въ 600 ниже раздѣленія Дуная на Калійскій и Сулинскій рукава.

Артиллерія была скрыта за деревьями и кустарниками, штуцерные отъ всѣхъ полковъ поставлены между орудіями, а пѣхота расположилась въ камышахъ, позади артиллеріи.

Когда я подошелъ къ батареямъ, дѣло достаточно выяснилось: огонь турецкихъ батарей до того ослабъ, что генералъ Ушаковъ счелъ возможнымъ напра-

вить дессантныя суда къ мѣсту переправы. Почтенный генералъ сидѣлъ на барабанѣ съ биноклемъ въ рукахъ и зорко всматривался вдаль. Я подошелъ и поклонился.

— А, и вы здѣсь? милости просимъ! оставайтесь при мнѣ на случай надобности! А надобность не замедлитъ!—сказалъ генералъ.

Я сталъ правѣе его, въ кустахъ, и началъ наблюдать за движеніемъ перевозныхъ лодокъ и плотовъ. Сперва они поднимались противъ теченія бичевою до Чатальскаго мыса, но далѣе, чтобы обогнуть мысъ, должны были, по причинѣ отмели, идти на веслахъ. Когда опредѣлилось мѣсто нашей переправы, непріятель сталъ порывисто собирать войска на высотахъ Тульчи и въ камышахъ около Сомова-гирла и поставилъ на скатѣ горы свои батареи. Какъ только передовые наши лодки показались изъ за мыса, турецкія батареи обратили весь свой огонь на дессантныя суда, не обращая вниманія на учащенные выстрѣлы нашихъ береговыхъ батарей. Не понимаю, какимъ чудомъ—всѣ безъ изъятія суда, на которыя назначено было сажать войска, подошли къ мѣсту переправы безъ всякихъ важныхъ поврежденій.

Переправа началась. Первыми отплыли по одному батальону Могилевскаго и Полоцкаго полковъ, а за ними и остальные батальоны этихъ полковъ и нѣсколько орудій. Мнѣ было хорошо видно, какъ полоцкіе разсыпались подъ выстрѣлами возвышенной непріятельской батареи, какъ опрокинули турокъ за Сомовогирло и захватили мостъ, не давъ туркамъ времени разрушить его. Батальоны Могилевскаго полка, въ ротныхъ колоннахъ, бѣжали на

турецкія укрѣпленія. Я жадно всматривался въ эту дивную боевую картину: казалось, что вотъ—вотъ, еще минута, и наши возьмутъ эту крѣпкую позицію. Но вдругъ вдали что-то полыхнуло... залпъ, другой. Съ мѣста, гдѣ я стоялъ, мнѣ показалось, что я слышу своеобразный свистъ картечки. Это и была она: въ то время, когда могилевцы взяли ближайшій турецкій редутъ и бросились дальше на штурмъ другой батареи, турки встрѣтили ихъ, въ ста шагахъ, картечью и сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ изъ обширнаго сомкнутаго укрѣпленія, казавшагося намъ съ нашего берега совершенно открытою батареею. При первомъ залпѣ ранены были почти всѣ бывшіе впереди старшіе офицеры, начиная съ командира полка, и могилевцы, потерявъ своихъ начальниковъ,—остановились. Намъ видно было, какъ оставшіеся въ живыхъ офицеры старались воодушевить солдатъ: моментъ увлеченія прошелъ, и тогда съ солдатомъ трудно бываетъ что-нибудь сдѣлать, въ особенности, когда онъ не слышитъ знакомаго ему голоса своихъ командировъ. Отдѣльныя кучки бросались и взлѣзали на валъ, но ихъ кололи и они гибли безполезно.

— Капитанъ Харламовъ!—обратился ко мнѣ генералъ Ушаковъ.—Немедленно переѣзжайте на ту сторону, здѣсь близко стоитъ мой яликъ. Отзовите этихъ дураковъ, дайте имъ очнуться. Я сейчасъ ихъ поддержу.

Генералъ еще не окончилъ послѣдней фразы, какъ я уже бѣжалъ къ берегу.

— Живо на ту сторону!—крикнулъ я двумъ казакамъ-гребцамъ.—По цѣлковому на брата.

Яликъ полетѣлъ. Бросивъ казакамъ два рубля и

приказавъ имъ вернуться на тотъ берегъ, я побѣжалъ къ могилевцамъ прямою дорогой.

— Куда вы, Александръ Семеновичъ? — вдругъ прокричалъ съ боку у меня чей-то голосъ.

Я оглянулся: это былъ отецъ Василій, въ епитрахили и съ крестомъ въ рукахъ.

— Генералъ послалъ отозвать могилевцевъ!—отвѣтилъ я на бѣгу.

— Да вы не туда бѣжите, держите полѣвѣе! — кричалъ въ догонку мнѣ отецъ Василій.

Я прибѣжалъ на мѣсто. Издали все это было красиво... но тутъ переполохъ, убитые, раненые... все это кричитъ, командуютъ... собирается въ кучки и бросается впередъ, потомъ залегаетъ и опять бросается... никто никого не слушаетъ. Въ какомъ-то рву я набѣжалъ на кучку солдатъ и, всмотрѣвшись, увидѣлъ, что это знаменитое прикрытіе 2-го Могилевскаго батальона—и знамя.

— Гorниста! — закричалъ я. — Горнистовъ сюда! сколько есть!

Ко мнѣ подбѣжали два горниста.

— Труби сборъ!—Я адъютантъ генерала Ушакова!

Горнисты заиграли сборъ; вскорѣ къ нимъ присоединилось и еще нѣсколько горнистовъ и барабанщиковъ. Сборъ заиграли и забили отчетисто, громко. Между тѣмъ, я выхватилъ у знаменщика знамя и высоко поднялъ его надъ головою, не обращая ни малѣйшаго вниманія на щелкавшія кругомъ пули: до нихъ ли мнѣ было!

Прошло немного времени, и ко мнѣ стали подходить сперва отдѣльные солдаты, потомъ кучки, а потомъ и толпы. Я ихъ устроивалъ побатальонно,

кое-кто изъ офицеровъ этого полка помогалъ мнѣ. Мало по малу все устроилось, и явилась возможность сдѣлать повѣрку. Полкъ потерялъ полкового командира и двухъ батальонныхъ изъ четырехъ, но сохранилъ почти всѣхъ ротныхъ командировъ, иныхъ раненыхъ, но не оставившихъ своихъ солдатъ.

Я сдалъ команду старшему изъ двухъ батальонныхъ командировъ и посовѣтовалъ ему положить полкъ во рвахъ и кустахъ и ожидать поддержки, которая не замедлитъ. Она, дѣйствительно, и не замедлила.

Первымъ прибѣжалъ на мѣсто отецъ Василій.

— Гдѣ мои ребятишки? гдѣ они, родные мои— спрашивалъ онъ, не обращаясь ни къ кому лично.

— Отецъ Василій!—остановилъ я его. — Сюда! вотъ ваши дѣтки лежатъ. Идите туда.

Между тѣмъ, успѣвшій переправиться Смоленскій полкъ бѣгомъ подходилъ къ мѣсту. Любо было смотрѣть на этихъ бравыхъ молодцевъ, какъ они, пробѣгая мимо, кричали могилевцамъ: вставай, чего разлеглись! бѣги вмѣстѣ!

Смоленцы пробѣжали, а могилевцы все еще лежали въ рытвинѣ, не рѣшаясь встать при видѣ раненыхъ смоленцевъ, которыхъ уже выбивала изъ фронта турецкая картечь. Офицеры поднимали людей, но не дружно, и поднявшіеся снова ложились.

— Голубчики!—вдругъ закричалъ какимъ-то потеряннымъ голосомъ отецъ Василій. — Голубчики! за мной, родные! за святымъ крестомъ! — и этотъ достойный пастырь выскочилъ изъ оврага и высоко поднялъ надъ головой св. крестъ.

Словно молнія прошла по полку! Въ одинъ могъ все разомъ поднялось и грянуло „ура!“, порывистое

стихійное, то „ура!“, которое безъ содроганія сердечнаго нельзя слышать на полѣ сраженія... Могилевцы стремительно бросились впередъ толпою... и одновременно съ смоленцами ворвались въ редутъ. Я не успѣлъ... и побѣжалъ съ ними. Одну минуту я думалъ, что о. Василій убитъ, потому что онъ упалъ, но — нѣтъ! вотъ онъ поднялся и побѣжалъ. Крестъ далеко блестѣлъ надъ нимъ въ поднятой рукѣ. На валъ я его почти внесъ: старику не подъ силу было взойти по очень крутой покатости. Впослѣдствіи оказалось, что эпитрахиль была у него пробита картечью и отъ св. креста оторвана часть. Мы овладѣли редутомъ; гарнизонъ былъ почти поголовно переколотъ.

Геройскій штурмъ турецкихъ батарей и истребленіе ихъ защитниковъ—навели на непріятеля такой паническій страхъ, что турки оставили позицію у Тульчи, бросили всѣ устроенные ими ретраншементы у Исакчи и противъ Сатуновской плотины и бѣжали къ Бабадагу.

Отецъ Василій былъ представленъ къ наперсному кресту на Георгіевской лентѣ; но этотъ простой и безпритязательный человѣкъ, доказавшій на дѣлѣ свое самоотверженіе и правильное пониманіе своего пастырскаго призванія,—не полагалъ, въ смиреніи своемъ, чтобы когда-нибудь его удостоили такой высокой награды.

Возвратясь въ Петербугъ въ концѣ августа, я счелъ долгомъ справиться и прослѣдить за дѣломъ о пожалованіи креста о. Василію.

Дѣло не клеилось; оберъ-священникъ не пропускалъ представленія. Помогъ мнѣ гофмаршалъ двора Его Высочества Государя Наслѣдника, Василій

Дмитріевичъ Олсуфьевъ. Этотъ достойный и многоуважаемый человѣкъ радушно выслушалъ меня и сердечно обѣщалъ свое всесильное содѣйствіе. Отъ него я и получилъ патентъ и наперсный крестъ для отсылки о. Василію. Могилевскимъ полкомъ командовалъ тогда полковникъ фонъ-Бринкенъ, отличившійся при несчастномъ штурмѣ Арабъ-Табіи: къ нему я и отправилъ наперсный крестъ для возложенія на о. Василія („Истор. Вѣст.“).

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Ноября 19 дня, 1903 года.

Цензоръ Священникъ *Александръ Гиляревскій.*

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, соб. домъ.

45

Открыта подписка на 1903 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ и ДУХОВНО-НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧІЙ“

XVI г. изданія. XVI г. изданія.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ

Отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

ЗА 4 РУБЛЯ въ годъ съ пересылкой **ДАЕТЪ:**

52 №№ **ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА**
съ отдѣломъ:
ВЪ ПОМОЩЬ ПРОПОВѢДНИКАМЪ ПАСТЫРЯМЪ;
(Сюда входятъ поученія на всѣ недѣльн. и праздн. дни, а также на выдающіеся случаи приходской жизни).
ПОУЧЕНІЯ ПЕЧАТАЮТСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

---

52 №№ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ВѢСТНИКА „СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ событій текущей жизни (церк. и гражд.).

ЗАТѢМЪ:

52 №№ **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ЛИСТКОВЪ**
по житіямъ воскресныхъ святыхъ,
(для чтенія въ храмѣ и семьѣ въ праздничные дни, а также для безплатной раздачи народу въ церквахъ).

Кромѣ того ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

24 КНИЖКИ ДЛЯ НАРОДА
подъ общимъ заглавіемъ
Народная библіотека „КОРМЧАГО“,
состоящая изъ ряда назидательныхъ разсказовъ изъ быта народнаго, школьнаго, миссіонерскаго, военнаго и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ 4 Р.
на 1 годъ, съ доставкой и пересылкой.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Ордынка, квартира священника Скорбященской церкви, С. С. Ляпидевскаго.

Выписывающіе 10 экземпляровъ годовыхъ получатъ 1 экземпляръ безплатно.

Журналъ „Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.